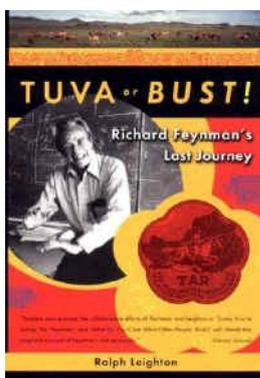

В ТУ ВУ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!

Последнее путешествие Ричарда Фейнмана

(отрывки из книги *Ralph Leighton «Tuva or Bust or Richard Feynman's Last Journey»*. New York, 1991.
Перевод Д. И. Оюн)

Р. Лейтон

К читателю

Ричард Фейнман (1918-1988) – выдающийся физик, профессор, преподавал в Калифорнийском Технологическом институте (КалТех) с начала 50-х до конца 80-х годов прошлого столетия. По окончании Принстонского университета Фейнман был приглашен в Лос Аламос для работы над проектом «Манхэттен». Шутки ради временами он оттачивал навыки по взламыванию сейфов. Однажды вскрыл несколько комбинационных замков, за которыми хранились все секреты атомной бомбы. На «месте преступления» оставил записку, на которой красными чернилами небрежно указал на ненадежность системы охраны одного из главных секретов страны.

В конце жизни его снова призвали на госслужбу, на этот раз для работы в комиссии Роджерса по расследованию обстоятельств (трагической) гибели космического корабля «Чэлленджер». И снова шутки Фейнмана вызвали шок у персонала строгого истеблишмента: на одном из открытых слушаний он зажал кусок резинового кольца скобой и погрузил его в ледяную воду. Его «мини-эксперимент», убедительно продемонстрировавший недостаток эластичности резины при низких температурах, свел на нет все попытки НАСА напустить тумана в этом деле и вскрыл истинные причины катастрофы.

Он был коллегой моего отца, которому довелось редактировать «Лекции Фейнмана по физике». И Ричард иногда бывал в нашем доме. Однажды, когда я учился уже в старших классах, меня навестил мой друг Томас Рутисхаузер, такой же музыкальный фанат, как и я. Мы были наслышаны о том, что Фейнман был почти профессионалом в игре на ударных, поэтому попросили его составить нам компанию.

– Да, но у меня нет с собой барабанов, – сказал он.

– Ничего, – заметил я. – Вы можете использовать один из этих журнальных столиков.

Попробовав их на звук, увлеченный видимо нашими с Томом ритмами, он притянул к себе один из «инструментов» и застучал. Так начался один из самых счастливых периодов моей жизни! Наше трио собиралось каждую неделю на бит-

сейшн. Мы стучали на столах, на африканских бонго,конга, на всем, что стучалось. В короткие перерывы Фейнман рассказывал нам о каком-нибудь из своих удивительных приключений.

Десять лет назад мне выпало принять участие в одном из таких приключений. И хотя этот «странный тип» (как любил себя называть Фейнман) был моим спутником не во всех перипетиях этой долгоиграющей авантюры, я постепенно все же заразился от него неиссякаемой жадой жизни во всех ее проявлениях и более всего его страстью к непредсказуемому. Так складывалось, что многое из того, что с нами происходило на этом пути, вовсе не приближало нас к конечной цели. Но если бы мы не взялись за это, то пропустили бы всю эту замечательную историю.

Фейнман сравнивал приключения с рыбной ловлей: нужно сна-

чала терпеливо часами ждать, прежде чем произойдет хоть что-нибудь стоящее. Вообще-то я никогда не слышал, чтобы Фейнман рыбачил. Но если бы он все-таки отправился на озеро с удочкой, я уверен, он бы только подтвердил то, что известно всем рыбакам в мире: разочарование наступает лишь в том случае, если ты заранее решил, что цель твоего похода на рыбалку – поймать рыбу.

То же самое и в жизни. Думаю, что чтение этой истории будет более всего занимательным для тех, кто не решил для себя заранее, о чем все-таки эта книга.

Пасадена, Калифорния,
Шагаа, 1991.

В ТУВУ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!

1. Нет такой страны!

Со стола убирали тарелки, а я еще разбирался с салатом – обязательной составляющей еженедельного ритуала в доме Фейнмана, сложившегося в последнее время. Ричард, восседавший как всегда в северной части огромного стола, обменивался шутками с сыном Карлом. Тот вместе с гостем занимал длинный восточный край застолья. На юге сидела Гвинет, контролировавшая равномерное перемещение блюд по всей площади стола. Дочь Мишель оккупировала запад.

Шел 1977 год, был конец лета. Мишель ожидал 2 класс местной начальной школы, а Карл готовился к занятиям в средней школе Пасадены, где я преподавал математику и вел тренировки по водному поло.

– Математика математикой, – заметил я, – но, что я действительно люблю, так это географию. Если бы я вел уроки географии, я

бы приносил на занятия радиоприемник и мы слушали бы BBC или Радио Radio Nederland. Мы бы играли в названия, как когда-то мы с братом, перебирая все страны мира. Ну, вы знаете, это когда последняя буква страны, например, Лихтенштейн, значит «Н» становится первой следующего названия. Например, Непала.

– Или Нигерии, Нигера, Никарагуа, – продолжил Карл с легким йоркширским акцентом, точно таким же как у его матери.

– Исчерпав страны, – размышлял я, – мы переходили к провинциям. Знаете ли вы, что, например, провинция Амазонас есть в трех разных странах?

– Так, – задумался Карл. – Видимо Бразилия, Колумбия, Перу?

– Неплохо, – оценил я. – Но третья в этом ряду Венесуэла, хотя действительно на Перу приходится больший отрезок Амазонки, чем на Венесуэлу.

– Так ты утверждаешь, что тебе известны все страны мира? – вмешался Ричард. В его голосе были слышны знакомые загадочные нотки, которые предупреждали жертву о нависшей над ней опасности.

– Конечно, да – кивнул я, заглатывая очередную порцию салата и готовясь к атаке, которая неизменно должна была последовать.

– Хорошо. Тогда скажи мне, что произошло с Танну-Тувой?

– Танну что? – переспросил я. – Я никогда не слышал этого названия.

– В детстве я собирал марки, – продолжил Ричард, – и в моей коллекции были великолепные треугольные и ромбовидные марки. Их выпускали в стране Танну-Тува.

Я насторожился. Мой брат Алан, тоже филателист, десятки раз одурачивал меня, когда мы играли в названия островов. Он скороговоркой выпаливал какое-нибудь экзотичное название типа «Айту-таки», и когда я требовал доказательств, торжествующе вытаскивал

свой каталог и показывал мне пару марок с этим островом. Я перестал сомневаться, а он все наглел и наглел, выигрывая одну игру за другой. В итоге я поймал его на «Акнаки», которая с его подачи выступала как часть небольшого атолла на юге Тихого океана, а я же смутно припомнил, что неделю назад он утверждал, что Акнаки – это река в Мавритании.

В общем, я слегка напрягся и заявил: «Сэр, такой страны не существует!».

– А вот и существует, – настаивал Ричард. – На карте 30-х годов она была вытянутым фиолетовым пятном рядом с Внешней Монголией. С тех пор я ничего о ней не слышал.

Если бы я остановился и хотя бы на миг задумался, то вспомнил бы, что коронным номером Ричарда было – сказать что-то невероятное, оказывающееся в итоге сущей правдой. Но вместо этого я начал затягивать накинутую на мою шею удавку: «Единственные граничащие с Внешней Монголией страны – это Китай и Советский Союз, – твердо заявил я. – Могу показать на карте».

Я заглотил остатки салата, мы встали из-за стола и проследовали в гостиную, где хранилась Британская Энциклопедия, любимая книга Ричарда. В ее последнем томе был атлас. Мы открыли карту Азии.

– Вы видите? – победоносно спросил я. – Здесь нет ничего кроме СССР, Монголии и Китая. Ваша «Танну-Тува» видимо находится где-то в другом месте.

– Посмотрите сюда! – Карл указал в книгу, – Тувинская АССР. На юге окружена горами Танну-Ола.

К северо-западу от Монголии и в самом деле примостилась территория, которая вполне возможно когда-то была Танну-Тувой. «Меня снова поймел коллекционер марок!» – подумал я.

– Взгляни-ка! – заметил Ричард. – Ее столица называется «К-Ы-З-

Ы-Л».

– С ума сойти! – пробормотал я. – Ни одной нормальной гласной!

– Мы должны там побывать, – заявила Гвинет.

– Точно! – воскликнул Ричард. – Место с названием «КЫЗЫЛ» просто обязано быть интересным!

Мы с Ричардом обменялись многозначительными ухмылками и пожали друг другу руки.

Все вернулись в столовую. Нас ожидали чай и десерт. Разговор продолжился. На ум пришел почти классический вопрос: «А почему ты поднимаешься именно на эту гору?». У нашей горы была невысокая категория сложности, но добраться до места в самых глубинах Азии, территории под контролем СССР, наверняка будет непросто. И то, что мы этот вызов судьбы приняли, объяснялось, пожалуй, причинами более глубинными, чем не менее классический ответ на него: «Потому что она называется К-Ы-З-Ы-Л!».

Мы стали обсуждать, как можно достичь этой цели. Прежде всего, Ричард мог бы выступить в Москве с серией лекций по физике, после чего мы все могли отправиться в Кызыл. (Правда, для любого путешествия в таких обстоятельствах лучше настоять на том, что Тува было первым пунктом в этом плане. Кто знает, какого рода «сложности» могли возникнуть после лекций). Но побывать в Туве вот так просто – это было равносильно тому, чтобы долететь до вершины горы на вертолете.

Ричарду доводилось и раньше путешествовать по отдаленным уголкам планеты. Гвинет вспомнила, как несколько лет назад они с другом и одним аспирантом-мексиканцем совершали горный переход по северо-западу Мексики. Они спустились в каньон Барранка де Кобро – по размерам и глубине он превосходит Гранд-Каньон, – где

встретили индейцев племени Тарахумара. Племя вело изолированный образ жизни и чужаков здесь видели редко. Ричард предусмотрительно накануне взял в университетской библиотеке словарь тарахумара-испанский и даже выучил пару фраз. Но когда он обратился к ним на родном языке, индейцы решили, что он чиновник Мексиканского правительства! Только после того, как он убедил их в обратном, тарахумарцы предложили Ричарду как почетному гостю отведать местного алкогольного напитка. (Ричард, обычно не употреблявший спиртного, на этот раз сделал исключение). Гвинет и Ричарду так понравилось в этих местах, что через год они снова сюда вернулись.

После обеда мы с Ричардом продолжили еженедельное Ритуальное действо – поднялись на второй этаж в студию на традиционный бит-сейшн. И хотя нашим совместным барабанным сеансам насчитывалось уже лет десять, это «примитивное» занятие ничуть не потеряло своей привлекательности.

В один из перерывов Ричард подошел к книжному шкафу, доверху набитому книгами, техническими документами, экзотическими ударными инструментами и мольбертами. Вскоре он вытащил оттуда потрепанную тоненькую книжку, раскрыл ее. Это был атлас 1943 года. И в нем на карте Азии рядом с Внешней Монголией было то самое фиолетовое пятно под названием Танну-Тува.

2. Сорок пять снежный я

Школа захлестнула меня с головой, не оставляя ни одной свободной минуты. Обычно мой день начинался в 6 утра с тренировок ватерпольной команды, затем следовали 5 уроков коррективной арифметики и начальной алгебры, а потом снова бассейн с ватерполистами. Практически все мои выходные занимали тренировки, но два из них в

ноябре в этом плотном графике стали счастливыми исключениями. В высвободившиеся дни мы с Ричардом смогли съездить в Сан-Франциско, где по приглашению небольшой балетной труппы, разместившейся в особняке Элк Лодж неподалеку от площади Юнион, должны были аккомпанировать их спектаклю.

Год назад мы сочинили, а затем и исполняли музыку к балету «Циклические предрассудки», поставленному этой же труппой. Наша «музыка» целиком и полностью состояла из ударных битов, что для Ричарда было вполне в порядке вещей. Музыку в общепринятом смысле – с аккордами и мелодиями – он называл не иначе как «ритмы, осложненные нотами» – никому не нужное излишество.

«Циклические предрассудки» имели оглушительный успех: три десятка зрителей, собравшихся в зале, восторженными аплодисментами принимали балет. В постановочных планах на этот год значился «Продавец слоновой кости». Нашей задачей было музыкально оформить взаимодействие двух культур – колонистов и африканских аборигенов – опять же исключительно посредством барабанных ритмов.

Репетиции проходили по вечерам в пятницу и субботу, а сам спектакль – в воскресенье. В один из высвободившихся субботний полдень мы прогуливались по Сан-Франциско. Разговор коснулся Тувы. «Давай заглянем в местную библиотеку, – предложил Ричард, – там очень приличный выбор книг».

Через полчаса мы были уже в Цивик (Гражданском) центре, квартале европейской застройки. Здания здесь плотно окружали ряды аккуратно-постриженных марроньеров – деревьев, распространенных по всей Франции. Библиотека находилась напротив мэрии, где в 1945 году прошло первое историческое заседание Организации Объединенных Наций. Пока мы поднимались по широкой каменной лестнице, Ричард предложил на спор найти в этой библиотеке фото с

изображением Тувы.

После беглого знакомства с каталогом стало ясно, что вряд ли мы сможем найти здесь хоть что-нибудь, связанное с Тувой. Ничего похожего на «Танну-Тува», «Тува» или «Тувинская АССР» в оглавлении не значилось. Имелся раздел по Центральной Азии, но в нем были Ташкент, Самарканд и другие подобные им места.

Ричард отправился к полке с книгами «Сибирь: зарисовки и путешествия», а я все еще рылся в справочно-библиографическом отделе. В своих поисках наткнулся на Большую Советскую Энциклопедию 1953 года издания. В одном из ее томов обнаружил статью о Кызыле и здесь в центре страницы черно-белое фото – заветная картинка из тувинской жизни! – с изображением Дома Советов, нового здания правительства Тувы. Его архитектура мало чем отличалась от здания американского муниципалитета, расположившегося напротив библиотеки. У входа стоял одиноко припаркованный странный автомобиль, не отбрасывавший тени, как будто его позднее вручную пририсовали на этом фото.

В волнении я бросился за Ричардом. Он был все в той же секции «Сибирь: зарисовки и путешествия», погруженный в чтение очередной находки «Дороги к забвению». Название говорило само за себя. Автора книги Владимира Зензинова царь отправлял в ссылку не раз и не два, а трижды. Дважды ему удавалось бежать, на третий раз его решили сослать в места действительно глухие и отдаленные, откуда сбежать уже было бы точно невозможно. И хотя местом последней ссылки оказалась вовсе не Тува, Ричард был полностью захвачен этой удивительной историей.

В следующие выходные мы играли спектакль «Продавец слоновой кости» перед 15 зрителями, едва набравшимися из числа друзей и родственников актерского состава. Удрученный видом такого боль-

шого количества свободных мест в зале, я заметил: «Мне это напоминает ужин в пустом ресторане».

– Если вас вкусно кормят, разве остальное имеет значение? – парировал Ричард, – Просто играй, как можно лучше. Помни, для чего мы здесь, парень, – мы сочиняем и играем музыку для балета!

Это было необычный способ времяпрепровождения для профессора физика и школьного учителя математики, но мы действительно сочиняли и играли музыку для балета, и Ричарду это было очень по душе. При этом он категорически не принимал утверждение Сэмюэля Джонсона по поводу собаки, научившейся ходить на задних лапах: «У нее не очень хорошо это получается, но вас не может не удивлять, что она вообще способна на это!». В программке спектакля соответственно скромно умалчивался тот факт, что у аккомпаниаторов несколько иные профессии.

Через месяц на Рождество дежурную семейную церемонию вручения подарков в виде виниловых дисков нарушил мой брат Алан. Он презентовал мне несколько треугольных и ромбовидных марок Тувы, выпущенных в 30-х годах, о которых так увлеченно говорил Ричард. На них были запечатлены захватывающие дух сцены: всадник на полном скаку; стрелок, натягивающий с опорой на колено тетиву лука; сцепившиеся в схватке борцы; охотники, целящиеся в свою жертву с близкого расстояния (вполне допустимая для почтовых марок художественная натяжка!) и целый ряд диких и домашних животных: от лис и соболей до яков, верблюдов и оленей. Такое огромное разнообразие видов в таком маленьком уголке Земли казалось Невероятным! Быль или выдумка сюжеты этих марок? По краю отдельных марок был странный узор, напоминающий карнавальные маски или что-то в этом роде, и еще слова POSTA TOUVA, выписанные латиницей так, как будто эти места когда-то были французской колонией.

В рождественские каникулы я побывал в библиотеке Калифорнийского Университета. Там в залежах книг обнаружил «Неизвестную Монголию» (Unknown Mongolia, 1913, London) английского исследователя Дугласа Каррутерса и десяток других книг о Туве. У Каррутерса Тува фигурировала просто бассейном Верхнего Енисея, а население республики он называл урянхайцами. Все эти книги, за исключением «Неизвестной Монголии» были на русском языке, значительно превосходящем по сложности даже немецкий. Но у Ричарда был ключ к нему: математические формулы строятся из греческих символов, а греческий, в свою очередь, лежит в основе русского языка, поэтому Патрону удалось расшифровать в них отдельные абзацы. Я же обзавелся карманным русско-английским словариком и справлялся в нем по каждому слову.

На одной из этих библиотечных книг была фотография. На ней здание правительства – деревянная изба, а рядом великолепная белая юрта. Мы не удержались от шуток по поводу президента Тувы, проводящего сиесту в Белой юрте.

В другой было сразу несколько фото Кызыла. Здание правительства нам было уже знакомым. На остальных были запечатлены штаб-квартира республиканской партии, почта и гостиница. Так как сделаны были эти снимки с разных точек и включали сразу несколько зданий, то сопоставляя их, мы смогли по кусочкам собрать приблизительную карту Кызыла. Ни на одном из фото не было более одного авто.

Одна из фотографий привлекла мое внимание немного позднее. Школа № 2. Из чего я сделал вывод, что в Кызыле должно быть соответственно, по крайней мере, две школы. Я понял, что именно к ним и должны быть адресованы мои послания в Туву: я – учитель, так почему бы не написать тувинскому коллеге и не спросить, каким образом его

или ее можно навестить. И хотя поиски информации о Туве были уже сами по себе занимательны, тем не менее нашей основной целью все же было попасть в Кызыл, и мы к ней пока не приблизились ни на йоту.

Я связался с Мэри Флеминг Цирин, с которой приятельствовал в пору своего студенчества в Калифорнийском университете, она тогда писала диссертацию по русскому языку. Мэри вспомнила меня и согласилась написать короткое письмо УЧИТЕЛЮ школы № 2 города Кызыла. Ради справедливости я отправил такое же письмо и в школу № 1, Кызыл, Тува, СССР.

Весной, когда закончился тренировочный цикл по плаванию и соответственно сошли на нет мои тренерские обязанности, я поехал в библиотеку Университета Южной Каролины, где внимательно проштудировал записи по иммиграционным картам, выданным с 1900 по 1950-е годы, на предмет, не переселялся ли кто-либо в эти годы из Тувы в Америку. Специального раздела по Туве не было, а вот несколько монголов и «других» (как они фигурировали в картотеке) в каждый год из этого полувекового периода обращался в американское консульство за видом на жительство.

На случай, если кто-либо из категории «других» мог оказаться родом из Тувы и вдруг осел на жительство в Лос-Анжелесе, я обзавелся персональной автотабличкой, вмонтировал ее в самодельную рамку с надписями «Mongol Motors» и «Kyzyl», где сверху и снизу фигурировало слово TOUVA. По крайней мере коллекционер тувинских марок за рулем сразу мог бы его узнать и просигналить в качестве приветствия.

Здесь же в библиотеке Университета Южной Каролины я обнаружил и статью, в которой утверждалось, что Кызыл – советский город атомщиков. Это следовало из того, что Тува изолирована и окружена горами, богатыми ураном. Другая статья в Christian Science

Monitor сообщала:

«...Согласно официальной версии Танну-Тува... попросила о вхождении в состав Советского Союза. Соответствующее разрешение было получено, точно также как 4 года до этого оно было дано трем прибалтийским республикам.

В случае с Танну-Тувой открытие больших залежей урана, впервые обнаруженных в Советском Союзе на пороге атомного века, видимо и является причиной для изменения правового статуса республики».

«Да-а-а, – подумалось, – если Кызыл – это советский Лос-Аламос (центр ядерной физики в США), то вряд ли КГБ поверит в то, что физик Ричард Фейнман хочет там побывать исключительно из-за необычности его названия».

Летом 1978 года сразу после участия в первых соревнованиях штата Южная Каролина на самый забавный, причудливый прыжок в воду, прошедших в Лос-Анжелесе, я вылетел в Европу в турлагерь на Балканах. Ричард в это время побывал на приеме у врача с жалобой на боли в желудке. Вскоре его прооперировали. Врачи удалили 14 фунтов раковой опухоли размером с футбольный мяч, разрушавшей его почки и селезенку. Остаток лета ушел на восстановление.

К моему возвращению из Европы никаких писем от коллег из школы № 2 и 1 так и не пришло.

Осенью начался очередной учебный год, на этот раз не обремененный тренерскими обязанностями. Но с другим значимым для меня изменением: в довесок к четырем урокам математики мне дали одно занятие по мировой географии. Конечно же, мои студенты были просто обречены на знание хотя бы малости о затерянной в глубинах стране Танну-Тува. Но были и более значимые темы для обсуждения: мир узнал об ужасах режима красных кхмеров в Камбодже; Иран в

смятении, шахскому режиму угрожал высланный исламский лидер Аятолла Хомейни; после всего 33-дневного правления Папы Джона Павла I место скоропостижно ушедшего из жизни главы католической церкви занимает польский кардинал Кароль Войтыла, впервые за последние четыре столетия папа – не итальянец. На Ближнем Востоке Моаммар Кадафи недоволен Анваром Садатом за подписанные последним Кемп-Девидские соглашения с израильским премьером Менахемом Бегоном. Кстати, в этой связи мне пришлось объяснять, почему в учебнике по географии 1960 года Ливия и Египет фигурировали как союзники в борьбе против Израиля.

В графике 1978 года никаких балетных постановок и соответственно наших аккомпанементов не значилось, тем не менее мы с Ричардом продолжали наши совместные бит-экзерцисы. Поводом для наших разговоров о Туве становились обычно мои письма, которые я не уставал строчить в колледжи и библиотеки США и Англии. Но однажды с новостями появился Ричард. Он показал мне крошечную заметку в несколько строк, которую он обнаружил в «Лос-Анжелес Таймс» (Los Angeles Times). В ней сообщалось, что при раскопках в Тувинской АССР найдена золотая фигурка скифского времени, изображавшая охотника, собаку и дикого кабана.

«Я собирался написать на «Радио Москвы». У них есть программа «Московская почта», – рассуждал я, – Я спрошу их о скифской находке. Может быть у них есть ее фото».

В рождественские каникулы я поехал в Вашингтон навестить старого школьного приятеля. Удалось побывать и в Библиотеке Конгресса. В картотеке оказались «золотые россыпи» книг по Туве. Так как народ с улицы к полкам с книгами не допускали, я передал служащему 12 заявок с шифрами найденных книг. Через полчаса меня ожидала лишь половина из заказанного, остальные 6 книг найти не

смогли. Неужели еще кто-то помимо нас увлечен Тувой?

Старший библиотекарь пояснил, что книги часто переставляют с их законных полок. Увы, это довольно распространенная практика и ничего удивительного в том, что нашли лишь 6 из 12, нет.

Мое недоумение улетучилось, как только я взглянул на книги, которые все же удалось разыскать. Три из них были настоящими жемчужинами. В первую очередь, карманный тувинско-монгольско-русский разговорник. Следующая жемчужина была пообъемнее – книга Отто Мэнхен-Хельфена «Reise ins asiatische Tuwa». Фотографии из книги в точности повторяли сюжеты известных мне тувинских марок 30-х годов. Книга была издана в 1931 году и это совпадение было вполне объяснимо. (Действительно, когда я позднее снова рассмотрел свои марки, то заметил, что картинка на 3-копеечной марке в форме ромба 1936 года, как будто сошла со страниц книги Мэнхен-Хельфена, правда в зеркальном отражении).

Чтение первого абзаца книги «Reise ins asiatische Tuwa» с лихвой вознаградило мои многолетние школьные мучения над заданиями по немецкому – я вполне сносно вникал в суть дела. (Этот отрывок из книги перевел мой брат Алан).

«Эксцентричный англичанин, из тех, кого так любил живописать в качестве главного героя своих повествований Жюль Верн, путешествовал по свету с одной-единственной целью – установить в центре каждой части света мемориальный камень с надписью: «Я был здесь в центре этого континента в этот день», – и ставил дату. В Африке, Северной и Южной Америках уже имелись соответствующие надписи на камнях, когда он отправился проделать то же самое в сердце Азии. По его расчетам сердце находилось в верховье на берегу Енисея, в китайской провинции Урянхае. Богатый, выносливый и упрямый, как и большинство подобных ему чудаков, он с честью

преодолею все трудности и невзгоды, выпавшие на его долю, и достиг своей цели. Я увидел этот камень летом 1929 года. Он находится в поселке Салдам, в Туве – так теперь называется Урянхай, – в республике скотоводов, расположенной к югу Сибири, между Алтайскими горами и пустыней Гоби, на азиатской земле, почти недоступной для европейцев.

Значит мы не одни и есть еще кто-то, увлеченный Тувой. У нас появился единомышленник родом из XIX века.

Третьей жемчужиной из фондов Библиотеки Конгресса стала тонкая маленькая брошюра, что-то типа путеводителя на русском языке. Из цифр и таблиц я мог догадаться, что речь в основном шла об увеличивающемся росте производства всего и вся – привычный словопоток о «прогессе при социализме». Там была и карта Кызыла с рисунками отдельных зданий. Я сразу же узнаю новое здание правительства, партийную штаб-квартиру, почту, гостиницу и драматический театр. Троллейбусная линия (ветка) соединяла аэропорт с центром города. Я сделал ксерокопию карты, чтобы по возвращении в Калифорнию показать ее Ричарду.

В брошюре была также и карта-схема всей страны с нарисованными фигурками различных животных: на северо-востоке – лисы и олени, на юге – верблюды, на западе – яки: все на расстоянии 150 миль от Кызыла. Подумалось, вот опять то же самое уникальное разнообразие животных. Может быть Туву с марок 1936 года и из книги Мэнхен-Хельфена еще можно найти сегодня за пределами Кызыла.

Как посетителю со стороны мне не позволялось уносить книги с собой, мне придется позднее заказать их через свою местную библиотеку. Со страхом я молил Бога, чтобы за это время их не перетасовали на полках и не потеряли таким образом навсегда.

По возвращении в Калифорнию я обнаружил в накопившейся

почте ответ на свое письмо в редакцию «Радио Москвы». В нем говорилось, что они не располагают информацией о скифской скульптуре из золота, и сообщалось, что 17 января один из выпусков радиопрограммы «Путешествуем по Советскому Союзу» (Round about the Soviet Union) будет посвящен Туве. Как здорово, подумал я, что мы вовремя им написали.

3 января за две недели до назначенного эфира для выбора оптимальной частоты для приема качественного сигнала я настроился на передачу. Диктор объявил: «Сегодня наша программа посвящена Камчатке...».

Через неделю я повторил попытку. На этот раз ведущий анонсировал: «Сегодня мы расскажем о Молдавской Советской Социалистической Республике».

17 января после обеда пришел Ричард. Мы немного постучали на барабанах, когда мой будильник в 9 часов вечера, за 15 минут до начала программы подал сигнал. Я включил радиоприемник и настроился на нужную волну. Сигнал был громким и четким.

Пока ведущий читал последние известия, я вытащил карту Кызыла, которую мне удалось скопировать в Библиотеке Конгресса. А на полу мы расстелили огромную подробную карту Тувы, выпущенную Картографическим Агентством Министерства Обороны США, ее в качестве подарка на Рождество мне презентовал Алан. Тува в ней значилась как оперативный навигационный квадрат E-7. В ней были отображены все возвышенности, обозначена растительность, озера, реки, дамбы и, так как выпущена она была в основном для пилотов, то содержала также информацию об отклонениях магнитного от реального севера, длине и направлении взлетных полос, расположении и высоте радиобашен.

За секунды до начала я включил магнитофонную запись. Диктор

объявил: «Тема нашей программы была подсказана нашим радиослушателем из американского города Альтадена, штат Калифорния, Ральфом Лейтоном. Сегодня мы отправимся в Туву, расположенную в самом центре Азии...».

– Фантастика! Они сделали передачу специально для нас! – воскликнул Ричард.

Большую часть передачи заняла информация, которую мы уже вычитали из Большой Советской Энциклопедии. На этот раз названия районов коверкались или просто перевирались. Затем последовала история, которую мы никогда до этого не слышали. Оказывается, в прошлом шаманы изготавливали свою одежду и обувь из асбеста (потувински «горной шерсти», как я выяснил позднее), что позволяло им танцевать на горячих углях, демонстрируя таким образом свои сверхъестественные способности.

Далее следовала партийно-общественная рутина о том, как Тува вошла в 1944 году в Советский Союз и как там замечательно живет при социализме. В конце рассказчик добавил: «Хотя Тува была отрезана от внешнего мира в прошлом, сейчас туда легко добраться. Сегодня любой может совершить комфортабельный перелет на самолете из Москвы в Кызыл».

Диктор снова упомянул мое имя и фоновая музыка постепенно затихла. Мы были взволнованны.

– В Туву легко добраться, – повторил Ричард. – Они сами это сказали!

Мы сразу же уселись за письмо в редакцию радио. Я уже было хотел предложить, чтобы Альтадена и Кызыл стали городами-побратимами, но Ричард меня урезонил, предложив не отклоняться от главной цели. «Все, что мы должны сделать – это поблагодарить «Радио Москвы» за передачу, напомнить, что они сообщили о том, что в Туву

легко попасть и затем попросить помочь нам добраться туда.

Я был настолько взволнован, что на следующий день на уроке географии дал послушать записанную накануне передачу ученикам, даже не подумав, что кто-нибудь из них может настучать директору школы: «Господин Лейтон давал классу слушать «Радио Москвы» (Шел 1979 год: холодная война была в разгаре, все русское не приветствовалось и учителям необходимо было давать поручительства в лояльности режиму). Я прокрутил эту запись еще и на уроках математики. Среди моих студентов были два армянина, знающих русский язык. Теперь, когда Тува «оказалась легкодоступной», я попросил их перевести письмо, адресованное «Гостиница, Кызыл, Тувинская АССР», с вопросом об их ценах.

Через пару дней я закончил письмо в редакцию «Радио Москвы». Помимо благодарности за выпуск программы по моей просьбе, я также обыграл тот факт, что я учитель географии и теперь мои студенты знают о Туве все. Далее я напомнил, что, судя по их передаче «до Тувы легко добраться», и обратился с соответствующим вопросом: «Могу ли я туда поехать?» (Мы решили, что профессора физики можно будет упомянуть позднее, как только учитель географии получит разрешение на поездку).

Я уже представлял, к чему все это может привести: «Радио Москвы» по нашему возвращению из Тувы возьмет интервью, наши ответы отредактируют соответствующим образом так, что останутся лишь самые положительные – такую цену за поездку мы вполне можем себе позволить. Никто не слушает «Радио Москвы», рассуждал я, иначе, программы по Камчатке и Молдавии тоже начинались бы с имени любопытного слушателя, как это было в нашем случае.

Пока мы ожидали ответа от «Радио Москвы», за это время обнаружилась утечка радиации на острове Трии Майл, а Маргарет Тэтчер

стала премьер-министром Великобритании. Алан принес мне ксерокс страницы из справочника «Радио и телевидение мира», настольную Библию всех фанатов коротковолнового радио. Под частотой 3995 килочерц значились две станции: Южно-Сахалинская (на острове Сахалин) и кызыльская. Шла зима и в это время низкие частоты хорошо принимались в северном полушарии, так что несколько ночей подряд я заводил свой будильник на 3:55 утра и настраивал приемник на 3995 частоту, в тайне надеясь поймать в 4 утра отсчет времени тувинского радио и соответственно вычислить координаты станции.

Чаще всего я ловил только один сигнал времени, вероятнее всего Южно-Сахалинский, так как остров был на 1200 миль ближе к Лос-Анджелесу, чем Кызыл. Я не могу утверждать этого точно, так как коротковолновые сигналы странным образом скачут в ионосфере. Но однажды ночью я поймал два сигнала – один слабый, другой сильнее. Тот, что послабее прозвучал как что-то типа «Раби-и-и-т Тива» (*Прим.: на английском «Кролик Тива» – Д.О.*), прежде чем пропал, заглушенный другим более мощным.

Я проиграл кассету с «Рабиит Тива» Мэри Цирин. Та, в свою очередь, предположила, что это может значить что-нибудь вроде «Говорит Тува», распространенный прием радиостанций, чтобы обозначить себя в пространстве на русском языке. Это навело меня на мысль отправить отчет о приеме радиосигнала в Кызыл.

Пока я с нетерпением ждал уведомления от тувинского радио о том, что мой отчет получен, пришли три книги из Библиотеки Конгресса: три жемчужины, слава богу, не были утеряны. Я сразу же сделал их фотокопии на лучшем ксероксе, который мог найти, и оперативно отправил их обратно в Вашингтон. Благодаря любезной помощи Мэри Цирин тувинско-монгольско-русский разговорник трансформировался в тувинско-монгольско-русско-английский.

Это была чрезвычайно полезная книжка с утверждениями «Я – учитель» и вопросами типа «А у вас есть русско-монгольский словарь?». Из этих выражений можно было многое почерпнуть. Так, например, вопрос: «Как вы доставляете товары чабанам?» говорил о том, что тувинские чабаны существовали и в 1972 году – год издания разговорника. А по словам «чайлаг, осенняя стоянка, зимник, весенняя стоянка» можно было предположить, что тувинцы все еще кочевали четыре раза в год, меняя пастбища. Были и свидетельства модернизации: «Как проходит окот скота?» – «Мы используем искусственное осеменение с ручным всprыскиванием».

Можно было сделать определенные заключения и о городской жизни. На вопрос: «Сколько комнат в вашей квартире?» следовал ответ: «У меня удобная квартира», из чего можно было сделать вывод о болезненности проблемы, возможном дефиците жилья в Кызыле.

В разделе «Правительственные учреждения и общественные организации» была размещена целая серия любопытных фраз: «Товарищи, собрание считается открытым!», «председатель собрания», «повестка дня», «голосуем», «поднять руки», «Кто «за?», «Кто воздерживается?», «принято единогласно».

Словосочетания «национальная борьба», «вольная борьба», «конные скачки», «соревнования по стрельбе из лука» – на тувинском языке обозначились одним словом. Не более 13 слов и выражений служили для описания самих лошадей – их экстерьера, возраста, функций, поведения. Главным тувинским деликатесом был курдюк. Была и полезная фраза: «А можно ли получить сборник фольклорных произведений?».

В разговорнике был целый раздел приветствий, что подсказало идею написать письмо на тувинском языке. Споткнулись на основной части послания «Я хотел бы поехать в Туву». Пришлось гадать и

комбинировать: то ли взять за основу фразу «Я хотел бы познакомиться с тов. N», то ли «Они хотят пойти в театр», в которой «театр» заменить на «Туву». Но здесь вполне можно было попасть в языковую ловушку. Постепенно мы пришли к выводу, что английский в сравнении с тувинским строится шиворот-навыворот. Если попробовать переводить слово за слово, то тувинская фраза на английском могла бы звучать приблизительно так: «Я товарищ N-с встретиться хочу я», или «Они в театр идти хотят они» (тувинский просто пестрит местоимениями!).

Если требовалось употребить слово, которого не было в разговорнике, то в ход сначала шел англо-русский словарь, а затем русско-тувинский (тот, что мы позаимствовали в библиотеке Калифорнийского Университета) подсказывал тувинский эквивалент. Далее для проверки мы шли обратным путем. Сверяли перевод в тувинско-русском словаре, затем в русско-английском. Зачастую исходная фраза с обратным переводом не совпадала, и тогда мы искали новое соответствие – либо на русском, либо на тувинском языке.

В результате нам удалось таким образом сложить вместе предложений десять. В дополнение к фразе «Я в Туву поехать хотел бы я», я поинтересовался, есть ли там в продаже тувинско-английские или англо-тувинские словари, учебники тувинского языка, а также записи произношения тувинского языка.

В конце концов наш шедевр был вполне готов к отправке. Но кому его адресовать? Ричард обратил мое внимание на абзац мелким шрифтом в конце разговорника «Составлен Тувинским Научно-Исследовательским Институтом Языка, Литературы и Истории (на русском это складывалось в аббревиатуру ТНИИЯЛИ), ул. Кочетова, 4, 667000, Кызыл, Тувинская АССР». С ума сойти: точный адрес и даже с почтовым индексом!

Месяц спустя из СССР пришло письмо. Нет, это был не ответ от тувинского радио на мою почтовую открытку с уведомлением о приеме сигнала, а послание от «Радио Москвы».

Некая Евгения Степанова писала: «Я позвонила в Интурист и мне сообщили, что так как у них нет представительства в Туве, поездки для иностранных туристов в этот регион не организуются». Возможно Тува была вполне доступной для москвичей, но не для нас американцев. (Мы должны были бы об этом догадаться сами, а не верить всему, что вещалось на волне московского радио!)

Но меня нельзя было остановить. «Если в Туве нет представительства Интуриста – думал я, то почему бы там его не открыть?». И я разработал целый план из четырех пунктов:

1. Я напишу статью о замечательной Туве, известной своими удивительными марками, как будто я там уже побывал (я буду писать в неопределенно-личной форме типа «Когда ты приезжаешь в Туву, то тебе открываются...») и предложу эту статью туристическим журналам.

2. Ее напечатают. Там же будет содержаться подсказка Читателю, как организовать путешествие в Туву: «Обратитесь в представительство Интуриста (Адрес прилагается)».

3. Мы договариваемся со всеми нашими многочисленными друзьями и знакомыми, чтобы они забросали Интурист письмами о том, что в одном из журналов они вычитали об удивительной Туве и теперь хотели бы получить более подробную информацию.

4. В ответ на этот «валовый спрос» Интурист открывает свое представительство в Кызыле (не беда, что в итоге в Туву отправятся только двое и офис придется через месяц закрыть.)

Ричард в ужасе качал головой, но так и не смог меня от этого отговорить. Я написал статью «Путешествие в 5-й угол света» и разослал ее в дюжину туристических журналов. Далее пункта 1 мой план

так и не продвинулся.

Меня невозможно было остановить. Я размышлял так: если невозможно открыть представительство Интуриста в Туве, то надо действовать через другое, ближайшее к Туве. Где оно? Ответ: в Абакане, 262 мили к северо-западу от Кызыла, если верить атласу автомобильных дорог СССР, который я по случаю приобрел в Болгарии во время турпоездки на Балканы. Интурист в своих представительствах предлагает машины в аренду. Взяв авто в Абакане, мы могли бы отправиться в Шушенское, почти священное село, где при царе отбывал ссылку Ленин. Поворот на Шушенское в 40 км от дороги на Туву. Мы вполне могли бы просто его проскочить и промчаться лишние 222 мили. И если даже придется тащиться в хвосте какого-нибудь ГРУзовика, в любом случае до Кызыла мы могли бы добраться к ночи – эта задача более реальна для лета, когда солнце садится в 10 вечера. Из Кызыла мы бы позвонили в Абакан и сказали, что заблудились.

Ричард был решительно против этого плана, потому что он строился на обмане. Действовать под ложным предлогом, по Ричарду, – один из самых больших грехов.

Летом 1979 года Джимми Картер и Леонид Брежнев подписали договор ОСВ-2. Я тем временем написал еще несколько писем на тувинском языке. На этот раз адресованных БАШКЫ (учителям), преподающим в ШКОЛАХ (я так и не нашел тувинского эквивалента этому слову) в самых отдаленных уголках Тувы (тувинские название этих населенных пунктов я выписал из карты Советских Национальностей, которую обнаружил в библиотеке Калифорнийского Университета). В соответствии с этим справочником в выбранных мною селах большинство населения составляли тувинцы.

Я продолжал свои поиски в библиотеках Южной Калифорнии. В журнале Times (Лондон, 23 ноября 1970) мне попала на глаза статья

некоего Оуэна Латтимора, путешествовавшего через Туву в Монголию. Очевидно спустя 40 лет после Отто Мэнхен-Хельфена он стал следующим иностранцем, побывавшим в Туве. Статья Латтимора заканчивалась следующим пассажем:

«А вот, наконец, и сами тувинцы. Это одно из самых интересных и внешне привлекательных национальных меньшинств из числа тех, с которыми мне довелось пообщаться. В большинстве своем они среднего роста, лица овалом, изящно вырисованные носы с тонкими аристократическими ноздрями, слегка нависшие на глаза веки. Элегантны, радушны, уверены в себе. Любители хорошо поесть, выпить, поговорить. В разговоре касаются многочисленных тем. Их знания, подкованность и прозорливость по отдельным знакомым мне темам и вопросам, не могли не вызывать уважения. Мое сердце осталось в Туве, я полюбил этот народ».

Естественно, что мне удалось вычислить адрес Латтимора в Англии. В письме я спросил, как ему удалось попасть в Туву. Ответ он написал от руки. В письме говорилось, что путешествовал он в качестве гостя сибирского отделения Советской Академии Наук и его поездка была организована Новосибирском. Только спустя годы я осознал, что на мой наивный запрос отвечал сам «Бог» – декан факультета Центральной Азии.

Вскоре на мой адрес стал приходить из Англии сборник «Central Asian Newsletter» («Вестник Центральной Азии»). Видимо, благодаря моим многочисленным посланиям в различные колледжи и университеты, меня решили включить в список рассылки журнала, как специалиста по данному предмету. Мой последующий энтузиазм подстегнуло послание от профессора Университета в Лидс Томаса И. Юинга. Оно начиналось со слов: «Мы рады приветствовать вас в рядах тувинистов! С вашим появлением наши ряды практически

удваиваются».

Осенью 1979 года начался очередной учебный год. И снова на моих занятиях по географии не обошлось без серьезных тем для обсуждений: Вьетнам напал на Камбоджу, кровавого диктатора Пол Пота преследуют и он в ссылке, убит Президент Южной Кореи Парк Чунг Хи, захват в ноябре в Тегеране американского посольства иранскими военными, более 50 человек взяты в заложники.

Чуть позднее, после Рождественских каникул Красная Армия вторглась в Афганистан. Выдающийся советский физик Андрей Сахаров, отслеживающий в составе созданного им комитета выполнение Хельсинских соглашений в части прав человека, публично осудил эту агрессию. Леонид Брежнев выслал его в закрытый для иностранцев Горький. Сахаров, в секретно переправленном на Запад письме, призвал все страны мира бойкотировать Олимпийские игры, которые должны были пройти в Москве тем летом. Президент Картер, для которого борьба за права человека стала краеугольным камнем внешней политики, первым заявил об объявлении бойкота Соединенными Штатами.

К началу 1980 года у нас с Ричардом было четкое понимание, что к выполнению своей цели мы пока так и не продвинулись. Учитывая, что отношения между СССР и США продолжали ухудшаться, мы осознавали, что наши шансы попасть в Кызыл некогда лишь призрачные теперь превращаются в нулевые.

Несмотря ни на что я продолжал поиски книг по Туве в провинциальных библиотеках. В одной из них нашел фотографию Кызыла, которая заставила трепетать мое сердце: высокая стела с земным шаром у основания. На постаменте высечены слова ЦЕНТР АЗИИ, АЗИЯНЫН ТОВУ и CENTRE OF ASIA. Своим появлением этот монумент был очевидно обязан нашему брату по духу, тому самому

эксцентричному англичанину, описанному в книге Мэнхен-Хельфена. Я показал фото Ричарду. Обелиск «Центр Азии» стал нашей священной чашей Грааля.

В другой библиотеке мне опять повезло на миллион – в ее фондах оказалась новая книга Джона Крюгера, профессора Индианского Университета «Учебник тувинского языка». Книга была насыщена информацией: более 75 страниц были посвящены географии, истории, экономике, культуре Тувы, остальные – детальному описанию тувинского языка.

В разделе «Народное искусство» был абзац, который звучал загадочно и интригующе:

«Отличительной и характерной чертой тувинской музыки является двухголосное соло или «горловое» пение, распространенное в Туве искусство, практически не встречающееся в других регионах. Исполнитель воспроизводит одновременно две разные мелодии. Нижним голосом он выводит основную мелодию, одновременно аккомпанируя ей удивительно чистым и нежным звуком, напоминающим звучание флейты».

Единственным известным мне вариантом горлового пения были причудливые имитации звуков животных, исполняемые женщинами племени инуитов Северного Квебека. Несколько лет назад я услышал их по канадскому радио. Но воспроизводить одновременно две разные ноты – это не что-то причудливое, а просто невероятное! Мы должны были это увидеть. И услышать. Своими ушами.

Еще одно загадочное утверждение из учебника касалось произношения: «Несмотря на использование в данной книге термина «глотализованные гласные», все еще не до конца ясна артикуляционная и фонетическая природа этих звуков». Другими словами, тувинский язык был настолько непонятным и редким, что автору даже

не довелось слышать живую речь!

В учебнике Крюгера приводилось несколько образцов письменного тувинского языка, тувинско-английский словарь и 16-страничная библиография, включавшая список книг на тувинском языке из фондов Колумбийского Университета. Этот учебник стал нашей Библией.

В конце января я обнаружил в почтовом ящике странное письмо, адресованное Ральфу Лештону, 248 (последняя цифра 4 была опущена), N, Пейдж Доктор, Альтадена, Калифорния, США, 91001. Я взглянул на почтовый штемпель. Он был на русском языке и знаки на нем выглядели как К, 61, 3, 61, и крышечка. Но я-то знал, что это значит Кызыл. Письмо было из Кызыла!!!

Я не стал его вскрывать. Решил дождаться Ричарда. Вечером нагрязнул к Фейнманам, сжимая в руке заветный конверт. Ричард был удивлен и растроган. Мы вместе распечатали конверт.

Письмо датировалось 7.1.1980. Так как 1 июля (*Прим.: в Америке сначала указывается месяц, затем дата – Д.О.*) еще не наступило, мы сделали вывод, что оно было отправлено 7 января. В качестве отправителя указывался ТНИИЯЛИ, Тувинский Научно-Исследовательский Институт Языка, Литературы и Истории, коллективный автор тувинско-монгольско-русского разговорника.

Все, что мне удалось разобрать, было мое имя в первом предложении письма. Мы приехали с Ричардом ко мне, и здесь при помощи тувинско-монгольско-русского разговорника попробовали его расшифровать. Первое слово послания, оказалось третьей фразой разговорника и означало оно «Здравствуйте». Таким образом первое предложение целиком звучало: «Здравствуйте, Ральф Лейтон». Но далее разговорник оказался практически бесполезен. Предложения строились по смыслу, а не алфавиту.

«Не следует ожидать, что написанное на тувинском будет соответствовать фразам из разговорника, – заметил Ричард. – Письмо написано на настоящем тувинском языке, а не на том искусственном способе сложения фраз, что использовали мы».

Ричард достал ксерокс тувинско-русского словаря, а я нашел свой карманный русско-английский словарик вкуче с учебником тувинского языка. С этими помощниками слово за слово мы смогли разобрать и второе предложение: «Новый год-с!», т.е. это было поздравление «С Новым Годом!».

Третье предложение выстроилось в: «Меня Дарыма Ондар зовут. Сорок-пять-снежный я».

Разгадать, что могло означать «Сорок-пять-снежный я», мы так и не сумели.

– Представь: предположим, ты индеец племени Навахо, проживающий в резервации в Нью-Мексико», – начал рассуждать Ричард, посмеиваясь. – И вдруг однажды к тебе приходит письмо от парня из России, написанное на ломанном навахо при помощи навахо-испанско-английского разговорника, который один из его друзей, в свою очередь, перевел на русский. Что ты делаешь – пишешь ответ на настоящем навахо....

– Естественно, разобрать настоящий тувинский непросто, – подхватил я его мысль.

– Послушай! Я все понял, – неожиданно прервал меня Ричард. – Парню 45 лет.

Все сразу вставало на свои места. Получалось что-то типа «Я прожил 45 зим», – вполне подходящая фраза для Тувы, расположенной между Сибирью и Монголией.

Мы вновь сверились со словарями. Вторым значением «харлыг» на русском было «-летний», что, в свою очередь соответствовало

английскому «summers».

– Зим, лет – разве это имеет значение? – заметил Ричард. – Все равно это может означать лишь то, что он прожил 45 лет.

Я снова внимательно пролистал разговорник. Внизу 32-й страницы располагался вопрос: «Сколько вам лет?», на который на следующей 33-й странице давался ответ: «Дортен пеш харлыг» – «Сорок-пять-снежный я».

3. Таинственные мелодии

В течение недели мы с азартом переводили остатки письма Ондара. В итоге получилось:

«Ваше написанное-было письмо-ваше чтение познакомил я (я узнал о вашем письме и прочел его), Тува-в написанное-было-ваше радость полон-есть-я (Я рад, что написали на тувинском языке). Наш тувинский язык тюркский язык-к относится есть (Тувинский относится к тюркским языкам). Вы-к письмо добралось? (Это письмо дошло до вас? – довольно странный, на наш взгляд, вопрос, так как на него можно было дать лишь один-единственный ответ). Кто-от письмо берете-есть-вы? (С кем вы переписываетесь?) Наш институт-из письмо взяло-вы? (Вы переписываетесь еще с кем-нибудь из нашего института?)

.....

(Стр. 218)

...Он жил взаимы. И после четвертой операции его время стремительно истекало. Патрон все чаще выглядел подавленным и ус-

тавшим. Но как только разговор касался Тувы, следы болезни тотчас исчезали. Лицо светилось, глаза блестели, в такие моменты он заражал собеседников жаждой жизни.

Для всех нас казалось очевидным, что у болезни Ричарда скорее психологические причины.

– Даже если это и так, сдать некоторые анализы не помешает, – заявил его лечащий врач, доктор Ким.

Через неделю 15 февраля 1988 года Ричард Фейнман умер. До Москвы это известие добиралось долго. В начале марта Гвенет (супруга Ричарда) получила письмо из России, датированное 19 февраля 1988 года. Верхнюю часть фирменного бланка украшали сразу два бюста Ленина. В письме сообщалось:

«Уважаемый Профессор Ричард Фейнман, для меня большая честь пригласить Вас, Вашу супругу и четырех Ваших коллег посетить Советский Союз в качестве гостей Академии наук СССР.

Член-корреспондент Академии наук СССР, профессор А.П.Капица сообщил мне о Вашем желании побывать в Тувинской АССР и познакомиться с ее достопримечательностями. Мы считаем наиболее благоприятным временем для такого визита май-июнь текущего года. Ваша поездка может продлиться 3-4 недели.

Я надеюсь, что в ходе этого путешествия у Вас будет возможность встретиться с советскими коллегами в Новосибирске и Москве, которые хороши знакомы с вашей научной деятельностью и работами, и будут рады такой встрече.

С удовольствием сообщаю, что Академия наук покроет все расходы по пребыванию Вас и Ваших коллег в Советском Союзе.

Искренне Ваш,
Академик Е. П. Велихов».

.....

(Стр. 222)

...Мы с Фозби решили все же воспользоваться приглашением Ламина (новосибирский ученый) и благодаря его усилиям летом 1988 года оказались в Туве.

Наши тувинские «мероприятия» включали: наблюдение за яками, верблюдами и оленями, правда, в кинофильме; осмотр уже знакомых по фото зданий в центре Кызыла, включая и знаменитое здание правительства; встречи с местными жителями; посещение пионерского лагеря, где нам видимо были оказаны такие же почести, что когда-то выпали и на долю Саманты Смит. Мы проехали мимо нескольких чабанских юрт, чтобы в итоге провести вечер в парадной юрте, специально установленной к нашему визиту, в компании местного политика. Мы знакомились с миром точно также, как это делают вице-президенты, и если бы не десятки книг и карт, над которыми я просиживал днями до визита в Туву, я мог бы подумать, что в принципе ВИДЕЛ ТУВУ!

В сопровождении нашего друга по переписке Ондара Дарыма мы проплыли по Енисею до Тоора-Хема, а далее на автобусе добрались до новой туристической базы на озере Азас, где вечерние развлечения для молодежи состояли из коллективных просмотров фильмов с Брюсом Ли, дублированных сначала на английский, а затем на русский язык. Во время одной из прогулок по лесу мы спустились с главной тропинки к источнику. Лоскуты ткани, украшавшие кусты и деревья, напоминали подобные святилища в Армении и Корее. Ондар, прежде чем напиться у источника, молча помолился местным духам.

По возвращении в Кызыл мы побывали у легендарного места, к которому так долго стремились – у обелиска Центр Азии. Казалось, что этот монумент и есть мемориал Ричарда.

О Т Р Е Д А К Ц И И :

В начале июня 2009 года в Туве побывала дочь Ричарда Фейнмана – Мишель, в сопровождении корреспондента Би-Би-Си Илоны Виноградовой. Они повидали достопримечательности Кызыла и Тувы, встретились с главой правительства РТ Ш. В. Кара-оолом, представителями творческой интеллигенции Тувы, в том числе родными Ондара Дарыма, который вступил в переписку с Р. Фейнманом и Р. Лейтоном.